

О. А. Игнатьева

Меньшевики об аграрном вопросе в России (1917 – первая половина 1918 г.)

Семнадцатый год стал для российских меньшевиков не только периодом, когда они превратились в одну из ведущих политических сил в стране, но и временем, когда они пытались представить свою программу на пути экономического развития России после революции. В своих экономических прогнозах меньшевики не могли не касаться способов решения аграрного вопроса в стране, где крестьянство составляло большинство населения. Эти способы, а также отношение меньшевиков к крестьянству исходили из тех принципов, которые были основой земельной программы РСДРП еще с момента IV съезда партии в 1906 г.

В современных исследованиях по истории меньшевизма отмечается, что первая программа РСДРП, принятая II съездом в 1903 г., лишь наметила некоторые аспекты «разрядки» сложной ситуации в деревне: речь шла о возвращении крестьянам так называемых «отрезков» – земель, потерянных ими в ходе реализации реформы 1861 г.¹ Историки заметили, что до начала Первой русской революции аграрный вопрос и отношение к крестьянству не играли заметной роли ни в теоретической, ни в тактической борьбе двух направлений российской социал-демократии – большевизма и меньшевизма². Однако начавшаяся в 1905 г. революция продемонстрировала, что проблемы российской деревни являются важнейшими на этапе буржуазно-демократической революции и крестьянство не удовлетворится лишь ликвидацией последствий реформы 1861 г.

«Большим минусом для меньшевиков» было отсутствие конкретной практической работы среди крестьянства в ходе революции 1905–1907 гг. и непонимание самого «крестьянского мира»³. Впрочем, на наш взгляд, то же самое можно сказать и о большевиках. Несмотря на это, и меньшевики, и большевики в 1906 г. пришли к выводу о необходимости пересмотра и дальнейшей разработки аграрной программы РСДРП. Как указывает С. В. Тютюкин, среди причин, побудивших РСДРП

вынести на обсуждение съезда этот вопрос, было и то, что социалисты-революционеры уже имели программу «социализации» земли, а российские либералы говорили о необходимости «частичного отчуждения» латифундий⁴. В этих условиях наличие разработанной аграрной программы превратилось для РСДРП в вопрос политического престижа партии.

IV съезд РСДРП состоялся в апреле 1906 г. в Стокгольме и получил название Объединительного. Съезду предшествовала внутрипартийная дискуссия между большевиками, у которых главным теоретиком аграрного вопроса выступил В. И. Ленин, и меньшевиками, чью аграрную программу разрабатывал П. П. Маслов. В преддверии съезда объединенный ЦК РСДРП создал аграрную комиссию из пяти большевиков и трех меньшевиков (П. П. Маслов, Г. В. Плеханов, Н. Н. Жордания), которая не пришла ни к какому окончательному решению⁵. Это предопределило последовавшую серьезную борьбу на самом съезде за утверждение одной из двух наиболее популярных в социал-демократических кругах программ – национализации или муниципализации.

Программа национализации земли, предложенная Лениным, как отметил Л. Хэймсон, была сформулирована «в период возрастающего собственного внимания к революционному потенциалу крестьянских волнений, распространявшихся во все новые регионах Российской империи»⁶. Поэтому она преследовала прежде всего политическую цель – использование в интересах социал-демократии этого «революционного потенциала». Первым шагом ленинской аграрной программы была конфискация, т. е. безвозмездное изъятие всех церковных, государственных, частнособственнических земель. Вторым – уничтожение частной собственности на землю и передача всей земли «истинно» демократическому государству, которое должно возникнуть после победы демократической революции⁷. Большеевики считали, что осуществление

О. А. Игнатьева

национализации (а она является, согласно теории марксизма, атрибутом перехода к социализму) на этапе буржуазно-демократической революции откроет простор развитию капиталистических отношений в деревне и ускорит социалистическую революцию⁸. Таким образом, для большевиков программа национализации стала еще одним шагом в развитии ленинской теории о возможности быстрого перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, сформулированной Лениным в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции»⁹. В аграрной комиссии, созданной накануне съезда, о которой уже упоминалось выше, ленинский проект получил поддержку большинства ее участников, поэтому доклад Ленина прозвучал на съезде первым¹⁰.

Меньшевистскую точку зрения огласил автор программы муниципализации Маслов. Прежде всего, меньшевистский теоретик заявил, что именно «муниципализация лучше всего гарантирует прочность демократического строя» и ее осуществление возможно только «при полном уничтожении сословного строя»¹¹, подчеркивая, что данная программа рассчитана на этап буржуазно-демократической революции. Затем докладчик определил три цели аграрной программы социал-демократии: «1) чтобы она не противоречила интересам пролетариата, а для этого необходимо и его участие в распоряжении конфискованными землями; 2) чтобы она не остановила развитие производительных сил, а для этого нежелателен раздел всех конфискованных земель; и 3) чтобы осуществление программы не вызвало контрреволюции»¹². Принципиальным Маслов считал требование «отчуждения» земель, а не их конфискации. Он говорил, что «отчуждение» подразумевает возможность того, что либо помещик получит такой же надел, как и крестьяне, либо – «небольшую сумму, необходимую для существования»¹³.

С. В. Тютюкин, уделивший в своей работе большое место подробному анализу дискуссии по аграрному вопросу на IV съезде РСДРП, заметил, что «Маслов создал лишь принципиальную схему революционных аграрных преобразований – некий симбоз национализации и муниципализации, оставлявший вдобавок от-

крытым вопрос о судьбе общинных земель и самой общины, а также земель, купленных крестьянами после 1861 г.»¹⁴. Вообще, выступление Маслова, как, впрочем, и выступления других меньшевиков по данному вопросу, в первую очередь, представляли собой критику ленинского проекта национализации и ленинского подхода к перспективам революции, а не конкретное изложение их аграрной программы.

Плеханов, участвовавший в обсуждении аграрной программы, прямо говорил: «Проект Ленина тесно связан с утопией захвата власти революционерами, и вот почему против него должны высказаться те из вас, кто не имеет вкуса к этой утопии...»¹⁵ Он видел в национализации угрозу для будущего российской революции, считая, что, если революция потерпит поражение, находящаяся в руках государства земля послужит целям восстановления «азиатской формы деспотизма», характерной для России. Поэтому, утверждал Плеханов, если не удастся добиться муниципализации земли и придется выбирать «между национализацией и разделом, то в интересах революции следовало бы предпочтеть раздел»¹⁶. В 1906 г. Плеханов вернулся к традиционной для марксистов точке зрения о реакционности крестьянства и о том, что оно может стать опорой самодержавия в случае поражения революции, а национализированная земельная собственность может помочь усилению военно-бюрократического аппарата¹⁷.

Еще искреннее был в своем выступлении на съезде меньшевик С. Г. Струминин, ставший позднее одним из известных советских экономистов. Он предложил вопрос об аграрной программе перевесить в разряд тактических, выразить «поддержку революционного крестьянства» и не брать на себя (т. е. на рабочую социал-демократическую партию) никаких обязательств в осуществлении «конфискации и всего за нее следующего»¹⁸.

Прения по аграрному вопросу заняли почти половину времени работы съезда, в них участвовали заметные представители как меньшевиков, так и большевиков¹⁹. В результате аграрная программа, принятая на IV съезде РСДРП, хотя и говорила о передаче земли в случае победы революции «крупным органам мест-

Меньшевики об аграрном вопросе в России (1917 – первая половина 1918 г.)

ного самоуправления», но провозглашала конфискацию всех типов земельных владений в России, «кроме мелкого землевладения»²⁰. «Тактическая резолюция по аграрному вопросу», утвержденная съездом, допускала также «раздел между крестьянами тех помещичьих земель, на которых фактически ведется мелкое хозяйство или которые составляют необходимые для его округления угодья»²¹. Как верно заметил Тютюкин, достигнутый компромисс не удовлетворил ни большевиков, ни меньшевиков, а сама программа не могла конкурировать в глазах крестьянства с эсеровской идеей социализации земли²². С этой точки зрения интерес представляет третья позиция по аграрному вопросу, прозвучавшая на IV съезде, – так называемая программа раздела земли, которую поддержала часть большевиков и которая была близка в сущности к эсеровской программе социализации²³.

Последующие годы подтвердили приверженность меньшевиков программе муниципализации. Так И. Г. Церетели, избранный депутатом 2-й Государственной думы, в своем выступлении при обсуждении аграрного вопроса в Думе 19 марта 1907 г. огласил заявление социал-демократической фракции, где говорилось об «отчуждении без выкупа» всех земель, кроме мелкособственнических, и передаче их «демократическому местному самоуправлению»²⁴. Органы местного самоуправления, по мнению Церетели, будут решать, «как население будет пользоваться землями», однако ни принципов аренды или передачи земли крестьянам, ни предложений по нормированию наделения их землей этот документ опять не содержал.

После разгона 2-й Государственной думы, в период реализации правительством столыпинской программы, меньшевики были слишком озабочены тем, как сохранить свои партийные организации, чтобы уделять особое внимание развитию взглядов на решение аграрного вопроса. Однако начавшийся революционный подъем 1912 г. и выборы в новую 4-ю Думу заставили их повернуться лицом к крестьянству. В «Избирательной платформе организационного комитета РСДРП на выборах в IV Государственную думу»²⁵ меньшевики подвергли жесткой критике столыпинские преобразования в деревне,

подчеркнув «убийственный для масс характер аграрного законодательства контрреволюции, которое вместо передачи дворянских земель крестьянству отдает земли крестьянской бедноты на расхищение кулакам, обрекает деревню на жестокий хозяйственный кризис, на долгий ряд разорения и голода...» (так в тексте. – О. И.)²⁶. Меньшевики заявляли крестьянству, что социал-демократия «всегда готова выступить на поддержку крестьянской борьбы за конфискацию помещичьей земли». Правда, вслед за этим обещанием, они туманно убеждали крестьян в том, что их спасение не в земле, что сначала следует бороться за свободу стачек, восьмичасовой рабочий день, государственное страхование – «вместе с промышленным и торговым пролетариатом»²⁷. В итоге в «Избирательной платформе» меньшевики провозгласили лишь требование «пересмотра аграрного законодательства 3-й думы»²⁸. Такой подход к аграрному вопросу в очередной раз лишил их голосов крестьянских избирателей.

Меньшевики после Февральской революции 1917 г. столкнулись с проблемой взаимоотношений с новой властью. Отметим, что в первые месяцы после свержения самодержавия, меньшевики старательно подчеркивали буржуазный характер революции, пытались дистанцироваться от деятельности Временного правительства. В то же время, считая себя партией рабочего класса, они, естественно, главное внимание уделяли проблемам, связанным с развитием промышленности. Но, после того, как в начале мая меньшевики вошли в состав Временного правительства, они не могли не обратиться к вопросу о земле, волновавшему большую часть населения России.

Майская конференция меньшевистских организаций, проходившая в Петрограде 7–12 мая 1917 г., среди прочих важнейших вопросов поставила в свою повестку дня и аграрный вопрос²⁹. При записи делегатов для работы в различных секциях конференции земельная секция оказалась самой популярной – в ней собирались работать 27 человек. Среди записавшихся было много меньшевистских теоретиков и практиков-экономистов: в земельной секции оказались Ф. А. Чевреванин, А. Я. Пилецкий, П. Н. Колоколь-

О. А. Игнатьева

ников, Ю. Ларин и др.)³⁰. На третий день работы конференции на утреннем заседании с докладом по аграрному вопросу выступил П. П. Маслов. Он сразу же отнес земельную реформу к прерогативам всенародно избранного Учредительного собрания³¹. Земельная реформа, по мнению меньшевистского экономиста, должна исходить «из интересов всей демократии и интересов развития народного хозяйства». Церковные и монастырские земли следовало «отчуждать» безвозвратно. «Отчуждению» частновладельческих земель, по мнению Маслова, должны сопутствовать два обстоятельства. Во-первых, отчуждаются только земли, «превышающие определенную норму», причем норма устанавливается в каждом районе отдельно³². Во-вторых, «за отчуждение земли государство уплачивает землевладельцам долю стоимости земель с прогрессивным понижением суммы стоимости до известной нормы, установленной Учредительным собранием»³³. В тезисах Маслова говорилось о том, что «отчуждаемые земли должны числиться общегосударственной собственностью», но «земли, которые должны быть использованы живущим на местах населением, находятся в распоряжении крупных областных органов местного самоуправления»³⁴. Эти крупные областные демократические органы самоуправления, в свою очередь, будут определять «формы и способы землепользования»³⁵. Наконец, Маслов призвал меньшевиков «всемерно бороться против анархических самовольных захватов земли и всяких других способов самовольного разрешения земельного вопроса, которые могут вызвать междуусобицу и грозить контрреволюцией»³⁶.

Доклад Маслова лишний раз показал его догматический подход к решению аграрного вопроса, непонимание конкретной исторической обстановки и боязнь «анархических» настроений среди крестьянства. Такой подход к аграрной проблеме не устроил многих делегатов майской конференции, что отражено в предложениях аграрной комиссии. Комиссия 11 мая 1917 г. представила свои тезисы конференции. По мнению участников обсуждения, из масловских тезисов необходимо было изъять слово «отчуждение» и заменить его на слово «конфиска-

ция», а также исключить тезис о вознаграждении владельцев за отчужденную землю³⁷. Выступавший от имени аграрной комиссии А. Я. Пилецкий заявил, «что земельный вопрос имеет не только экономическое значение», что владельцы не должны получать «контрибуцию» за землю. По мнению Пилецкого, требование уплаты вознаграждения за землю, внесенное в программу социал-демократов, поставило бы их на одну доску с кадетами³⁸. Однако от дальнейших объяснений докладчик отказался, заявив, что он не получил для этого полномочий от комиссии. Не смог отстоять свои тезисы и Маслов, который, к удивлению делегатов, уже уехал в Москву³⁹.

В этих достаточно странных условиях часть делегатов предложила вообще открыть общепартийную дискуссию по аграрному вопросу и не принимать никаких решений. Данное предложение натолкнулось на протест делегатов из провинции, заявивших, что «без определенной резолюции по аграрному вопросу... нельзя возвращаться на места» и что, «если не будет принята резолюция, то придется признать банкротство конференции по аграрному вопросу»⁴⁰.

Свой взгляд на проблему представил Ф. А. Череванин, член исполкома Петроградского Совета с февраля 1917 г., с июля того же года возглавивший Экономический отдел ВЦИК⁴¹.

Череванин первым из меньшевиков поставил решение аграрного вопроса в прямую зависимость от того, что теперь «государство признано фактором, регулирующим потребление и организующим в некотором отношении производство»⁴². Он рассматривал новое Временное правительство, в которое вошли и меньшевики, как такой орган государственной власти, которому можно доверить «экспроприируемую землю»⁴³. На наш взгляд, Череванин фактически выступил за национализацию земли, однако наряду с этим, он оставался противником конфискации, считая, что она «вызовет потрясение всей экономической жизни страны» и «для предотвращения потрясения народного хозяйства вознаграждение-выкуп может быть вполне пригодным средством»⁴⁴. Пытаясь найти компромисс с оппонентами, он предложил «вопрос о выкупе или конфискации оставить в ре-

Меньшевики об аграрном вопросе в России (1917 – первая половина 1918 г.)

золюции открытым», но не получил поддержки делегатов⁴⁵.

В итоге аграрный вопрос был снят с повестки дня конференции, передан для обсуждения в партийной прессе к следующему меньшевистскому форуму. Майская же конференция ограничилась тактической резолюцией, в которой решение аграрного вопроса возлагалось на Учредительное собрание. Меньшевистские организации призывались к «энергичной работе» во вновь создаваемых земельных комитетах, «к направлению деятельности образуемых земельных комитетов в сторону регулирования отношений арендных и отношений найма в интересах крестьян и рабочих до окончательного решения земельного вопроса»⁴⁶. Самым важным, на наш взгляд, в этой резолюции являлось замечание о том, что РСДРП оставалась «на почве аграрной программы партии»⁴⁷. Таким образом, на майской конференции, несмотря на бурные дебаты, меньшевики остались на позициях, разработанных и принятых IV съездом в 1906 г.

На открывшемся в июне 1917 г. Первом Всероссийском съезде Советов, меньшевистская фракция коснулась аграрного вопроса только в своей резолюции «Об отношении к Временному правительству». Признав политику Временного правительства «отвечающей интересам революции», меньшевики свели решение экономических проблем к достаточно абстрактным требованиям «привести в скорейшее исполнение в области рабочего и земельного вопроса мероприятия, согласованные с требованиями трудящихся масс и диктуемые жизненными интересами народного хозяйства...»⁴⁸. Это продемонстрировало их неготовность решить насущные проблемы российской экономики и, в частности, аграрный вопрос.

Меньшевики вновь вернулись к аграрному вопросу на Августовском (Объединительном) съезде 1917 г. На пленарном заседании съезда 23 августа были заслушаны три доклада по данному вопросу – П. П. Маслова, А. Я. Пилецкого и Н. А. Рожкова. Прения по докладам, развернувшиеся в специальной секции, завершились почти единодушным (при четырех голосах против) принятием резолюции, в которой меньшевики, в целом, подтвердили свою приверженность идеи муниципализации земли⁴⁹. Однако

доклады показали, что по вопросу о земельной реформе в рядах меньшевиков нет полного единства.

Так, меньшевик-интернационалист Пилецкий заявил, что и муниципализация, и национализация – дело второстепенное, главное – покончить с крупным землевладением и наделить землей безземельное и малоземельное крестьянство⁵⁰. Рожков вообще выступил как сторонник национализации земли. Он убеждал делегатов съезда, что со временем обсуждения аграрной программы на IV съезде в России заметно развился сельскохозяйственный капитализм, который подготовил переход к национализации земли⁵¹. Так же, как ранее и Череванин, Рожков считал, что теперь землю в России можно передать под контроль центральной государственной власти, что, однако, не исключало участия органов местного самоуправления в проведении земельной реформы⁵². В то же время этот докладчик не видел противоречия в признании национализации как метода решения аграрного вопроса и в необходимости «так или иначе вознаградить земельных владельцев»⁵³.

Выступление Рожкова вызвало резкую критику со стороны Маслова, по-прежнему отрицавшего национализацию и рассматривавшего ее как меру социалистическую⁵⁴. Он продолжал отстаивать свою программу муниципализации, дополнив ее требованием о «прогрессивно-понижающемся» вознаграждении владельцам⁵⁵.

В отчете газеты «День» о работе аграрной секции от 27 августа 1917 г. констатировалось, что «полного единства не достигнуто в самом центральном пункте: по вопросу о возмездности (так в тексте. – О. И.) или безвозмездности отчуждения частновладельческих земель»⁵⁶. Действительно, именно этот принцип вызвал наибольшее расхождение во мнениях делегатов: 59 человек высказались против какого-либо вознаграждения владельцам земли, 35 – за вознаграждение⁵⁷.

Помимо отказа от уплаты выкупа за землю, в резолюции Объединительного съезда утверждалось, что аграрная реформа «должна повести к переходу рентного дохода землевладельцев в распоряжение государства и органов местного самоуправления»⁵⁸, что, на наш взгляд, являлось очередной попыткой примирить принципы национализации и муниципализации.

О. А. Игнатьева

Кроме того, на съезде подчеркивалось, что «социал-демократическая партия во всех случаях и при всяком положении демократических аграрных преобразований ставит своей задачей неуклонно стремиться к самостоятельной классовой организации сельского пролетариата, разъяснить ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии...»⁵⁹. Это утверждение лишний раз свидетельствует о том, что при решении любого вопроса, в т. ч. и аграрного, меньшевики стремились прежде всего подчеркнуть пролетарский характер своей партии.

Последовавшие за меньшевистским съездом события: корниловское выступление, нарастание общенационального кризиса и, наконец, углубление в этих условиях внутрипартийных противоречий между «оборонцами» и «интернационалистами», – привели к тому, что аграрный вопрос накануне Октябрьской революции не рассматривался меньшевиками, а если и рассматривался, то лишь в связи с проблемой обеспечения страны продовольствием. Исключение, на первый взгляд, составляет конференция организаций объединенных интернационалистов РСДРП, проходившая в Петрограде 18–21 октября 1917 г.⁶⁰

21 октября на конференции был заслушан доклад о земельном вопросе, и «после продолжительных прений» внесены некоторые «добавления», например, о том, «что сохранение культурных хозяйств является обязанностью государственной власти» и «мелиорация вознаграждается»⁶¹. Поразительно, что накануне Октябрьского переворота, когда большевики вели агитацию под лозунгом «Земля – крестьянам», меньшевики-интернационалисты обсуждали вопросы мелиорации или строительства «ипотечных домов в деревне». Впрочем, главной мыслью этой конференции было решение об отдельных списках «интернационалистов» при выборах в Учредительное собрание.

В платформе РСДРП(о) на выборах в Учредительное собрание, опубликованной «Рабочей газетой» 25 октября 1917 г., аграрному вопросу посвящен специальный раздел. Выражая свою поддержку аграрной политике Временного правительства, РСДРП(о) ставила задачу конфискации земли, кроме мелких наделов⁶². Распоря-

дительные права на конфискованную землю, кроме лесов, переселенческих земель и месторождений полезных ископаемых, должны быть переданы органам местного самоуправления⁶³. Все эти меры, по мнению меньшевиков, закрепили бы успех буржуазно-демократической революции. В своей избирательной платформе РСДРП(о) вновь подчеркивала, что «Россия еще далека от социализма»⁶⁴.

Открывшийся в дни Октябрьской революции Второй съезд Советов показал, что меньшевики, покинувшие его заседания, потерпели политическое поражение. Для большевиков же съезд ознаменовался принятием двух важнейших декретов – о мире и о земле. Ленин, придававший решению земельного вопроса первостепенное значение, выступил 26 октября с докладом о земле и лично огласил «Декрет о земле». Первый большевистский народный комиссар земледелия В. П. Миллютин позднее вспоминал: «Первый декрет о земле был набросан мной и т. Ларинным, но окончательная формулировка и написание проекта декрета принадлежит т. Ленину»⁶⁵.

Декрет провозглашал отмену помещичьей собственности на землю «без всякого выкупа» и раздел земли между всеми гражданами, желающими ее обрабатывать, по потребительской или трудовой норме⁶⁶. Раздел земли между крестьянами, как подчеркивал Ленин, осуществлялся на основании «Крестьянского наказа о земле», составленного, в свою очередь, с учетом 242 наказов местных крестьянских комитетов и опубликованного «Известиями Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» в августе 1917 г.⁶⁷ Ленин признал, что и Декрет, и наказ составлены социалистами-революционерами, но отметил, что большевики не могли его игнорировать, хотя бы и были с ними не согласны⁶⁸. Вождь большевиков объявил, что данный Декрет объявлен законом до Учредительного собрания, подчеркнув, что новая власть предоставляет крестьянам возможность самим решать все вопросы⁶⁹. В этом документе, как можно заметить, нет ни слова о национализации земли, которую Ленин отстаивал ранее, что свидетельствует о его политическомчу – крестьянство в то время не поддерживало бы малопонятный лозунг национализации, а большевики не имели

Меньшевики об аграрном вопросе в России (1917 – первая половина 1918 г.)

возможности осуществить национализацию. Правда, в тексте наказа, вошедшего в Декрет, имелись указания на то, что вся земля объявляется общенародным достоянием, «высококультурные хозяйства» передаются в собственность государства, что можно считать намеком на национализацию⁷⁰.

Как достаточно убедительно доказал Э. Кэрр, летом и осенью 1917 г. все органы регулирования земельных отношений, созданные как Временным правительством, так и большевистской властью, контролировались эсерами⁷¹. Уже упоминавшийся В. П. Милютин, в первые дни Советской власти активно выступавший за создание правительства с участием всех социалистических партий, вспоминая о своей деятельности в качестве наркома земледелия, писал: «Народного комиссариата земледелия, как центрального аппарата управления, поначалу не существовало...»⁷² «Настоящим аппаратом народного комиссариата земледелия», по его мнению, являлись сами крестьянские массы, которые и нужно было «регулировать»⁷³. Впрочем, Милютин руководил этим наркоматом недолго – 4 ноября он покинул свой пост в знак протеста против прекращения переговоров с Виккелем⁷⁴. После этого, по рекомендации Ленина, возглавить Народный комиссариат земледелия было предложено левым эсерам.

В это время шел процесс образования партии левых эсеров-интернационалистов, завершившийся на 1-м съезде 19–26 ноября 1917 г.⁷⁵ После длительных консультаций наркомом земледелия 25 ноября стал член вновь избранного левоэсеровского ЦК А. Л. Коллегаев, активно приступивший к разработке «Положения о земельных комитетах», которое появилось уже 13 декабря за подписями Ленина и Коллегаева⁷⁶. Деятельность Наркомата земледелия от этого назначения в первое время не улучшилась, поскольку служащие его предшественника – Министерства земледелия Временного правительства – отказывались от всякого сотрудничества, поддерживая правых эсеров⁷⁷. С теми же сложностями новое правительство столкнулось и в работе с земельными комитетами. Только огромная энергия и стремление к достижению соглашения со стороны Коллегаева помогли добиться их поддержки накануне

Третьего съезда Советов, объединившего рабочих и крестьянских депутатов и утвердившего в целом закон «О социализации земли»⁷⁸.

Меньшевики, покинувшие Второй съезд Советов, не участвовали в обсуждении «Декрета о земле». Оставшаяся на съезде небольшая группа объединенных социал-демократов-интернационалистов, участвуя в обсуждении вопроса о составе нового правительства, лишь вскользь коснулась аграрного вопроса. Выступавший от имени интернационалистов Б. В. Авилов заметил, что «разрешение земельного вопроса... – не предвещает для правительства успеха»⁷⁹. Впрочем, его выступление не получило поддержки делегатов.

Для большей части меньшевиков после Октябрьской революции все экономические вопросы оказались связанными с важнейшим политическим вопросом – о форме власти. 30 октября, когда стало очевидным, что переговоры о создании правительства с участием всех социалистических партий не имеют успеха, ЦК РСДРП(о) принял резолюцию «Об организации власти», где ставились три задачи: «1. Скорейший созыв Учредительного собрания. 2. Передача земельного фонда в ведение земельных комитетов. 3. Немедленный приступ вместе с союзниками к мирным переговорам»⁸⁰. Эти же требования повторил И. Г. Церетели на совещании земских и городских представителей 9–11 ноября 1917 г., проходившем в Николаевском зале Петроградской городской думы⁸¹.

12 ноября в газете «День» был опубликован отчет о гарнизонном совещании представителей 34 воинских частей в Петрограде, на котором обсуждался вопрос о том, каким должно быть новое правительство. Выступавший от ЦК РСДРП(о) А. Н. Потресов, характеризуя деятельность Совнаркома, говорил об «ужасных последствиях большевистских декретов», которые толкают страну к контрреволюции⁸². В этом же выступлении прямо указывалось на то, что «декрет о земле принесет только вред планомерному разрешению аграрного вопроса»⁸³. Центральный Комитет меньшевиков вновь и вновь выдвигал в качестве главной задачи партийных организаций «создание общенациональной власти для восстановления гражданских свобод», считая,

О. А. Игнатьева

что в экономической области по-прежнему следует добиваться «передачи земли в ведение земельных комитетов и организации государственного контроля и регулирования промышленности»⁸⁴. Меньшевики, казалось, не замечали, что «Декрет о земле» вызвал невиданный энтузиазм среди крестьянства, получившего бесплатно свыше 150 тыс. десятин земли⁸⁵.

В целом первые послеоктябрьские месяцы для меньшевиков проходили под знаком подготовки к Чрезвычайному съезду партии, который должен был выработать новый курс и тактику в условиях победы Октябрьской революции. На этом съезде, в отличие от Августовского, аграрный вопрос не стоял отдельно в повестке дня. Однако в докладах, выступлениях, резолюции по важнейшему вопросу «О текущем моменте» проблемы земельных отношений и роли крестьянства в русской революции затрагивали фактически все выступавшие. Так, М. И. Либер, считавший главной силой Октябрьского переворота солдатские массы, указывал, что «по своему составу наша армия главным образом – крестьянская»⁸⁶. Для социал-демократов, по его мнению, еще в 1905 г. было очевидно, «что на общенациональное движение крестьянство не способно, что оно способно лишь на бунт», каковым и стала Октябрьская революция. Либер убеждал делегатов съезда, что все черты крестьянства, «на которых основывало свою силу самодержавие», сохранились, что, как только оно удовлетворит свои «специальные интересы» (т. е. получит землю. – *О. И.*), то сразу перестанет быть «не только социалистическим, но и революционно-демократическим»⁸⁷.

Ю. О. Мартов в своем варианте доклада «О текущем моменте» рассматривал русскую буржуазию в качестве главного виновника произошедшего переворота. По его мнению, именно буржуазия виновна в том, что «решение проблем войны и мира, становления и развития демократической республики, демократизации армии, проведение земельной реформы затормозились»⁸⁸. В итоге, говорил Мартов, у власти оказался пролетариат «в союзе с солдатами»⁸⁹, и спасение завоеваний революции теперь зависит от того, сумеет ли РСДРП(о) обеспечить «координацию сил» пролетариата и мелкой буржуазии

(«деревенской демократии», по определению докладчика)⁹⁰.

В отличие от предыдущих ораторов, Ф. И. Дан более конкретно подошел к характеристике сложившегося положения. В предложенном им проекте резолюции «О текущем моменте», в частности, отмечалось, что «анархические методы вмешательства в экономическую жизнь страны», характерные для большевиков, приведут «в деревне – к беспорядочному расхищению земель и инвентаря более зажиточными группами крестьянства в ущерб его беднейшим слоям»⁹¹. Изменить положение может, по мнению Дана (в этом были едини все меньшевики), только Учредительное собрание, в котором социал-демократы-меньшевики должны бороться за власть, поддерживаемую «всеми слоями пролетарской, крестьянской и мещанской демократии»⁹².

Резолюция «О текущем моменте», принятая съездом 4 декабря 1917 г., включила в себя предложения по аграрному вопросу, внесенные именно Даном: «Немедленная передача земель в ведение земельных комитетов и скорейшее проведение демократической аграрной реформы»⁹³. Таким образом, если в вопросе о возможности союза с крестьянством на буржуазно-демократическом этапе революции съезд дал положительный ответ, то в отношении самого аграрного вопроса Чрезвычайный меньшевистский съезд фактически подтвердил свою приверженность идеи муниципализации земли и вновь перенес решение аграрного вопроса на Учредительное собрание, не желая признавать уже идущий раздел земли.

Общеизвестным является тот факт, что на выборах в Учредительное собрание меньшевики потерпели сокрушительное поражение, завоевав только 2,3% голосов избирателей⁹⁴. Однако накануне открытия Собрания, в конце декабря 1917 – начале января 1918 г. состоялись заседания специальных комиссий социал-демократической фракции Учредительного собрания – в т. ч. аграрной⁹⁵. В работе аграрной комиссии активно участвовали известные меньшевистские экономисты – Череванин и Рожков⁹⁶. Комиссия решила вынести на обсуждение Учредительного собрания вопрос о переходе в собственность государства всех

Меньшевики об аграрном вопросе в России (1917 – первая половина 1918 г.)

монастырских, государственных и частновладельческих, выше удвоенной трудовой нормы, земель, причем мелкие собственники сохраняли право продавать свои участки органам местного самоуправления⁹⁷.

«Формы и способы пользования землей предоставляются органам местного самоуправления», – говорил Череванин на заседании аграрной комиссии 2 января 1918 г.⁹⁸ Очевидно, что даже в начале 1918 г. меньшевики все еще пытались отстоять свои идеи о муниципальном распределении земли, правда, теперь уже национализированной.

В выступлении Церетели от имени социал-демократической фракции в день открытия Учредительного собрания 5 января 1918 г. аграрному вопросу уделено довольно много внимания. Прежде всего, Церетели, обращаясь к делегатам Собрания, вынужден был признать: «Вы дали народу землю, вы исполнили обещание революции, вы это сделали, и Учредительному собранию ничего сделать не остается»⁹⁹. Однако вслед за этим утверждением меньшевистский докладчик поставил вопрос о том, существует ли уверенность, «что именно беднейшее крестьянство обзавелось землей, обзавелось инвентарем, что она так справедливо распределена, эта земля, чтобы ни кулаки, ни богатеи, ни те, которые и без того сильны, завладели бы тем, что завоевано революцией?»¹⁰⁰. Ответ самого Церетели был отрицательным: «Если бы оставалась земельная реформа и закрепилась в том виде, как сейчас она существует, это не было бы реформой великой российской революции, это было бы повторением ставки на сильных, на тех крепких мужиков, которые и без того держали в своих руках деревню»¹⁰¹. Меньшевики здесь попытались выступить в роли защитников беднейшего крестьянства, которое они часто называли сельским пролетариатом. Церетели подчеркнул, что «в области земельной реформы, если останется дело в том положении, в каком оно в настоящий момент, без всенародного демократического регулирования пользования землею, взятой у помещиков, так, чтобы она перешла действительно в общенародное достояние, то это не будет победой беднейших слоев крестьянства и достижением того, к чему стремилась революция»¹⁰².

В предложенной Учредительному собранию меньшевистской декларации вновь указывалось на «расхищение» земельного богатства страны «более состоятельными группами деревенского населения и кулаками» и провозглашалось «закрепление законом безвозмездного перехода церковных, монастырских и частновладельческих земель в руки крестьянства и регулирование распределения этой земли и пользования ею в интересах трудящихся масс и развития производительных сил страны»¹⁰³.

Любопытно, что «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», предложенная Учредительному собранию большевиками, в принципе так же предлагала решить аграрный вопрос: «Частная собственность на землю отменяется. Вся земля, со всеми постройками, инвентарем и прочими принадлежностями сельскохозяйственного производства, объявляется достоянием всего трудящегося народа»¹⁰⁴. Таким образом, и меньшевики, и большевики представили Учредительному собранию чисто декларативные проекты ликвидации частной собственности на землю и перехода ее в руки крестьянства. Однако меньшевики по-прежнему считали, что осуществить реформу может лишь Учредительное собрание, а большевики выступали за передачу всей власти Советам и признание правомочности уже осуществленных действий Совнаркома¹⁰⁵.

Вскоре после разгона Учредительного собрания, 10 января 1918 г. открылся Третий Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, который в ходе своей работы объединился со Съездом крестьянских депутатов, что было еще одним шагом к укреплению тактического союза большевиков и левых эсеров, о чем уже упоминалось выше.

Во главе крестьянской секции Третьего Всероссийского съезда Советов встала М. И. Спиридовова, лидер левых эсеров¹⁰⁶. Именно левые эсеры Коллегаев и Майоров разработали основные положения закона о социализации земли, утвержденные съездом¹⁰⁷. Представляется справедливым замечание Э. Карра о том, что «большевистский принцип коллективного ведения сельского хозяйства», зафиксированный в данном документе, был лишь «придатком» к главной идеи – уравнительного раздела земли¹⁰⁸. Ленин в докладе о

О. А. Игнатьева

деятельности Совета Народных Комиссаров Третьему съезду Советов назвал крестьян «вернейшими и ценнейшими союзниками» пролетариата, которые осуществляют социализацию земли в союзе с рабочими, национализирующими банки и проводящими рабочий контроль¹⁰⁹.

Меньшевистская фракция Третьего съезда Советов большую часть своих выступлений посвящала проблемам возобновления деятельности Учредительного собрания¹¹⁰, не выступая конкретно против «Декрета о социализации земли» (справедливости ради надо отметить, что Декрет был принят в конце работы съезда, без серьезного обсуждения, в целом¹¹¹). Однако в Декларации фракции РСДРП(о) по вопросу о Советской Федеративной Республике, внесенной М. М. Добраницким, говорилось, что «только на почве последовательного проявления принципов демократизма, т. е. господства большинства населения, сможет трудовое крестьянство осуществить полностью и в прочных формах свою аграрную революцию»¹¹².

В обращении социалистических фракций Учредительного собрания «К гражданам России», подписанном делегатами от шести социалистических партий и опубликованном меньшевистскими газетами «Новый луч» и «Вперед», говорилось: «Крестьяне! Лишь полновластное Учредительное собрание покончит с земельным вопросом, раз навсегда, навеки закрепит всю землю за народом и сделает невозможным возвращение к власти помещиков-дворян и расхищение уже добытой земли кулаками»¹¹³.

Представляется очевидным, что после разгона Учредительного собрания и, особенно, после опубликования 19 февраля 1918 г. Декрета СНК и ВЦИК «О социализации земли», аграрная программа меньшевиков перестала быть предметом для серьезного обсуждения, тем более, что конкретная историческая обстановка ставила перед Россией новые важные задачи, и, прежде всего, задачу подписания мира. Экономическая обстановка в стране была тяжелой. Крестьянский вопрос теперь оказался тесно связанным с вопросом об обеспечении города продовольствием.

Меньшевики предвидели, что сложности в продовольственном деле приведут

к обострению отношений между пролетариатом и крестьянством. В конце января 1918 г. «Партийные известия» опубликовали статью Ф. И. Дана «Задачи партийной работы», в которой многое говорилось о сущности «крестьянского социализма». Дан указывал, что «с непрекаемой очевидностью фигура массового крестьянина выявилась как фигура хозяинчика, мелкого буржуа, отстаивающего зубами и когтями свою собственность и свое право использовать до конца выгоды экономической конъюнктуры, делающей хлеб и другие продукты сельского хозяйства наиболее ценным предметом»¹¹⁴. Он писал о «хищническом социализме мелкого буржуа», который является лишь «оболочкой» для того, чтобы использовать «сочувствие и содействие отсталых слоев пролетариата для натиска на крупную земельную собственность и раздела ее методами беспорядочной свалки». В этих условиях, отмечал Дан, критикуя позиции левых эсеров, «идут насмарку все соображения об общих задачах народного хозяйства». Что касается большевиков, то их лозунгом, по мнению одного из вождей меньшевизма, был «грабеж награбленного» и «не организация общественного хозяйства, а расхищение и раздел крупных имуществ»¹¹⁵.

Как и рабочий контроль, деятельность большевиков в деревне оценивалась меньшевиками как проявление анархосиндикализма. В цитируемой выше статье Дан скептически оценивал и изменение названия большевистской партии, произошедшее на Седьмом съезде РКП(б), говоря, что «самое название социал-демократии стесняет» большевиков, портивших, по его мнению, с идеологией научного социализма.

Подобные обвинения часто звучали зимой-весной 1918 г. из уст различных меньшевистских деятелей. Так, они нашли подтверждение в выступлениях участников собрания меньшевиков-оборонцев Петрограда в конце января 1918 г., где говорилось об анархической природе действий Советского правительства¹¹⁶. Г. М. Эрлих отмечал на этом собрании: «Декрет о земле имеет роковое значение. Срывает возможность аграрных реформ». В качестве выхода из тупика он призывал меньшевиков к активной работе в Советах и ВЦИК для пропаганды своих взглядов, борьбы за влияние на рабочий класс,

Меньшевики об аграрном вопросе в России (1917 – первая половина 1918 г.)

но натолкнулся на несогласие других участников собрания¹¹⁷. Тем не менее, меньшевики участвовали и в работе ВЦИК, хотя их представительство там было крайне малочисленным¹¹⁸, и в деятельности местных Советов, где их представительство также постоянно сокращалось¹¹⁹.

Так, И. А. Исув, выступая на заседании исполкома Моссовета 6 марта 1918 г., говорил: «Большевики не вели массы к социализму, а освещали только то, что выдвигалось крестьянско-мещанской идеологией. Декрет о земле, о национализации банков, о рабочем контроле (особенно первый) есть дележ по-божески, но ничего больше»¹²⁰.

Тезис о мелкобуржуазной направленности развития российского общества весной 1918 г., которая может завершиться прямой контрреволюцией, выдвигал и Ю. О. Мартов в своих выступлениях на заседаниях ВЦИК IV созыва¹²¹. В то же время он считал необходимым продолжать работу в Советах из-за популярности этого учреждения в массах. Советы «в глазах крестьянских и отсталой части рабочих масс» представляли «примитивную идею господства местных рабочих и крестьян над данной территорией», как, впрочем, рабочий контроль – «идею захвата данной фабрики», а аграрная революция – «захват данной деревней данного поместья»¹²².

Принципиальное значение для характеристики экономической политики меньшевиков в целом и, в том числе, их отношения к состоянию сельского хозяйства, имеет статья А. С. Мартынова «Пути к экономическому возрождению», опубликованная 16 апреля 1918 г. в газете «Вперед». Главную угрозу экономическому развитию России Мартынов видел в «большевистском анархо-коммунизме», единственный путь спасения страны – во всестороннем государственном регулировании экономической жизни¹²³. Полемизируя с «социал-демократами правого крыла», он утверждал, что Россия не может вернуться к «полной свободе конкуренции», потому что в современных тому времени условиях свободы конкуренции будет тождественна «свободе спекуляции в хлебной торговле», в «мешочничестве» и может привести только к кровавой гражданской войне¹²⁴. Мартынов писал, что «интересы... крестьянской мелкой буржуазии все

чаще и все больше сталкиваются с интересами городского населения вообще и пролетариата в особенности: крестьянская мелкая буржуазия стоит за безграничное удлинение рабочего дня, не хочет платить подоходного государственного налога, сопротивляется установлению твердых цен на сельскохозяйственные продукты...»; это, в свою очередь, приведет к усилению антагонизма между городом и деревней¹²⁵. В связи с этим, задачей меньшевиков является сохранение классовых организаций пролетариата, призыв его к «классовому ограничению» и дисциплине во имя «экономического возрождения России»¹²⁶.

В мае 1918 г. продовольственный вопрос занял первое место в дискуссиях, разворачивающихся во ВЦИК, как, впрочем, и в жизни страны. Большевики подготовили введение продовольственной диктатуры, которая осуществилась фактически после появления 13 мая 1918 г. Декрета «О предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими»¹²⁷. Накануне подписания этого декрета, 9 мая 1918 г., продовольственная политика обсуждалась на заседании ВЦИК, где с докладом выступил народный комиссар продовольствия А. Д. Цюрупа¹²⁸. Его оппонентом стал Ф. И. Дан, резко критиковавший продовольственную политику Советской власти, «заменившую централизованную, экономически и политически продуманную систему диктатурой», которая «ставит себе целью вооруженную борьбу с крестьянством, потому что в деревне, ведь, трудно отделить, где кончается хозяйственным мужичком и где начинается пролетарий и полу proletарий»¹²⁹. Дан заметил, что «в смысле получения хлеба это не даст ничего, так как усилит граждансскую войну, заставит многих отказаться от расширения посевов и в десятках миллионов русских крестьян создаст вполне определенное настроение, которое не пойдет на пользу революции»¹³⁰. Как уже отмечалось, продовольственная диктатура, несмотря на это предупреждение, была введена Декретом 13 мая.

20 мая 1918 г. ВЦИК обсуждал вопрос о задачах Советской власти в деревне, основной доклад был сделан председате-

О. А. Игнатьева

лем ВЦИК Я. М. Свердловым¹³¹. Этот доклад вызвал резкую критику со стороны меньшевиков. Н. Н. Суханов обвинил официального докладчика прежде всего в некомпетентности, а затем изложил свою точку зрения. Суханов говорил: «Задачи советской власти в деревне распадаются на две категории: экономические и политические. Что касается экономических задач в деревне, то они, по крайней мере, это касается черноземной полосы – сводятся к снабжению деревни орудиями и изысканию способов извлечения хлеба из рук крестьян-производителей. Что касается экономических задач в нечерноземной полосе, то нужно во что бы то ни стало накормить нечерноземные деревни, которые уже погибают от голодной смерти, в которых происходят бунты голодных людей...». Поскольку Советская власть не в состоянии обеспечить осуществление этих мер, она, по мнению Суханова, должна «самоуправдниться», то есть «немедленно передать все хозяйственные и культурные функции правильно организованным на основе всеобщего избирательного права демократическим учреждениям»¹³².

Выступивший вслед за Сухановым Мартов упрекал большевиков в противоречивости их политики в деревне, говоря, что «попытка Советов повернуть события революции таким образом, чтобы направить беднейшее крестьянство... против крестьянства, имеющего хлеб», не соответствует их же лозунгам¹³³. Мартов отмечал, что большевики, в частности, народный комиссар продовольствия Цюрупа, рассуждают «об идеальном беднейшем крестьянстве», забыв, что именно этот слой населения их поддержал, «приобретя при разделе имений кусок земли и получив возможность продать хлеб». Лидер меньшевиков справедливо указывал: «А что такое беднейшее крестьянство? Частью это крестьянство представляет зародыш будущего сельского пролетариата, частью же это те крестьяне, которые, благодаря аграрной революции перестают быть беднейшими. Последние не развиваются в сторону социализма»¹³⁴. Мартов предупредил большевиков, что, пытаясь противопоставить кулаков и беднейшее крестьянство друг другу, они будут бить и по среднему крестьянству, являющемуся их опорой в деревне. «Объективно вы будете толкать

среднее крестьянство именно к власти кулаков, которые во многих местах являются вожаками крестьянства именно потому, что они формируют движение деревни против городского потребителя, и которые, чтобы продать свой хлеб по выгодной цене, заинтересовывают в своих операциях и неимущую часть деревни...», – говорил он, пророчески предвидя в продовольственной диктатуре очередной, может быть, последний шаг большевиков к гражданской войне¹³⁵.

Проходившая в Москве 21–28 мая 1918 г. конференция меньшевиков среди других вопросов обсуждала и меры по борьбе с голодом. Докладчиками здесь выступили В. Г. Громуан и Ф. А. Череванин¹³⁶. В тезисах «Борьба с экономической разрухой и задачи рабочего класса», в частности, говорилось: «В области снабжения населения хлебом совещание считает необходимым при сохранении хлебной монополии наивозможно широкое привлечение кооперативного и частного торгового аппарата, работающего на комиссионных началах»¹³⁷. Меньшевики также выступили против твердых цен на хлеб.

Помимо продовольственных проблем, на совещании прозвучала вновь и традиционная оценка крестьянства как силы, тормозящей продвижение пролетариата по революционному пути. Ее дал один из лидеров меньшевизма Р. А. Абрамович. В выступлении по текущему моменту он, в частности, говорил: «Надежда на помочь со стороны беднейшего крестьянства оказалась ни на чем не основанной, и пролетариат, даже его верхи, даже те слои, которые принимают участие в политической жизни, приходя на местах в соприкосновение с этим беднейшим крестьянством, и с тем, как в деревне понимался социалистический переворот, убеждались, что это крестьянство представляет из себя аполитическую и антигражданственную среду (так в тексте. – О. И.), в которой не может быть и речи о восприятии социалистического строительства, но даже и обыкновенного гражданского строительства»¹³⁸. Называя крестьянство «нулем» в политическом отношении, Абрамович сделал знаменательное признание: «В партии у нас тоже нет соприкосновения с крестьянством, и поэтому иметь реальное представление о том, что делается в кре-

Меньшевики об аграрном вопросе в России (1917 – первая половина 1918 г.)

стянистве, я не в состоянии»¹³⁹. Пытаясь оценить ситуацию в деревне по сведениям, публикуемым в печати, он сделал вывод о том, что крестьянство можно сбросить со счета вплоть до того момента, когда речь пойдет о возможности возврата земли прежним владельцам¹⁴⁰.

Майская конференция делала ставку на усиление пролетарских организаций и роли в них меньшевиков, традиционно отстраняясь от проблем деревни.

Логическим завершением продовольственной политики большевиков явился «Декрет о комитетах бедноты», принятый 11 июня 1918 г. Меньшевики правильно оценили изменение отношения большевиков к крестьянству. Так, Череванин, выступая 4 июня на совместном заседании ВЦИК, Моссовета, ВЦСПС, представителей профсоюзов и фабзавкомов Москвы говорил, что дело не в «разжигании гражданской войны между городом и кулаками», подчеркивая, что «борьба будет против большинства крестьянства»¹⁴¹. Однако исключение меньшевиков и эсеров из советских организаций 14 июня 1918 г. заставило меньшевиков, как уже говорилось выше, на время приостановить критику экономической политики Советской власти в условиях, когда РСДРП была поставлена фактически в полулегальное положение.

Начавшаяся Гражданская война подтвердила правильность меньшевистских прогнозов о роковом значении классового раскола в российской деревне.

Примечания

¹ См. например: **Тютюкин С. В.** Меньшевизм: страницы истории. – М., 2002. – С. 54–55.

² **Kapp Э.** История Советской России. Большевистская революция 1917–1923 гг. – М., 1994. – С. 416.

³ Политические партии России: история и современность. – М., 2000. – С. 235.

⁴ **Тютюкин С. В.** Указ. соч. – С. 159.

⁵ Там же. – С. 160.

⁶ **Хэймсон Л.** Меньшевизм и большевизм (1903–1917): формирование менталитетов и политической культуры // Меньшевики в 1917 г. – М., 1994. – Т. 1. – С. 30.

⁷ **Kapp Э.** Указ. соч. – С. 418.

⁸ **Тютюкин С. В.** Указ. соч. – С. 162.

⁹ **Плимак Е.** Политика переходной эпохи. Опыт Ленина. – М., 2004. – С. 74.

¹⁰ **Kapp Э.** Указ. соч. – С. 418.

¹¹ Меньшевики, 1903–февраль 1917 г. – М., 1996. – С. 166.

¹² Там же.

¹³ Там же. – С. 166.

¹⁴ **Тютюкин С. В.** Указ. соч. – С. 164.

¹⁵ Меньшевики, 1903–февраль 1917 г. –

C. 169.

¹⁶ Там же.

¹⁷ **Тютюкин С. В.** Указ. соч. – С. 165.

¹⁸ Меньшевики, 1903–февраль 1917 г. –

C. 172.

¹⁹ **Тютюкин С. В.** Указ. соч. – С. 165–166.

²⁰ Меньшевики, 1903–февраль 1917 г. –

C. 173.

²¹ **Тютюкин С. В.** Указ. соч. – С. 167.

²² Там же. – С. 167–168.

²³ **Kapp Э.** Указ. соч. – С. 418.

²⁴ Меньшевики, 1903–февраль 1917 г. –

C. 238.

²⁵ Организационный комитет был избран на Венской конференции меньшевиков 1912 г., являвшейся своеобразной альтернативой прошедшей в том же году Пражской конференции, которая еще больше углубила раскол в рядах РСДРП. (См.: Меньшевики, 1903–февраль 1917 г. С. 493–494).

²⁶ Там же. – С. 342.

²⁷ Там же. – С. 344.

²⁸ Там же. – С. 345.

²⁹ Меньшевики в 1917 г. – М., 1991. – Т. 1. –

C. 273.

³⁰ Там же. – С. 282.

³¹ Там же. – С. 350.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. – С. 350–351.

³⁶ Там же. – С. 351.

³⁷ Там же. – С. 425.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энцикл. – М., 1996. – С. 675.

⁴² Меньшевики в 1917 г. – Т. 1. – С. 425.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. – С. 426.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. – С. 445.

⁴⁷ Там же. – С. 444.

⁴⁸ Там же. – С. 533.

⁴⁹ **Тютюкин С. В.** Указ. соч. – С. 389.

⁵⁰ Меньшевики в 1917 г. – М., 1995. – Т. 2. – С. 464–465.

⁵¹ Там же. – С. 466.

⁵² Там же. – С. 468.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. – С. 470.

⁵⁵ Там же. – С. 535.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ **Тютюкин С. В.** Указ. соч. – С. 390.

Меньшевики об аграрном вопросе в России (1917 – первая половина 1918 г.)

- ⁵⁸ Меньшевики в 1917 г. – Т. 2. – С. 555.
- ⁵⁹ Там же. – С. 556.
- ⁶⁰ Меньшевики в 1917 г. – М., 1997. – Т. 3, ч. 2. – С. 207.
- ⁶¹ Там же. – С. 215.
- ⁶² Там же. – С. 234.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Там же. – С. 230.
- ⁶⁵ Первое Советское правительство, Октябрь 1917–июль 1918. – М., 1991. – С. 81.
- ⁶⁶ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. – М., 1962. – Т. 35. – С. 25-27.
- ⁶⁷ Там же. – С. 24.
- ⁶⁸ Там же. – С. 27.
- ⁶⁹ Там же. – С. 26-27.
- ⁷⁰ Там же. – С. 25.
- ⁷¹ **Kapp Э.** Указ. соч. – С. 428-438.
- ⁷² Первое Советское правительство, Октябрь 1917–июль 1918. – С. 83.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энцикл. – М., 1996. – С. 365.
- ⁷⁵ Там же. – С. 419.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ **Kapp Э.** Указ. соч. – С. 436-437.
- ⁷⁸ Там же. – С. 438.
- ⁷⁹ Меньшевики в 1917 г. – Т. 3, ч. 2. – С. 248.
- ⁸⁰ Там же. – С. 271.
- ⁸¹ Там же. – С. 295-299.
- ⁸² Там же. – С. 307.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Там же. – С. 314.
- ⁸⁵ Гражданская война и военная интервенция в СССР: энцикл. – М., 1983. – С. 176.
- ⁸⁶ Меньшевики в 1917 г. – Т. 3, ч. 2. – С. 379.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ **Галили З., Ненацков А.** Демократические иллюзии в период наивысшего обострения общеноционального кризиса. Смена партийного курса. Первая декада октября – конец декабря: док.-ист. очерк // Меньшевики в 1917 г. – Т. 3, ч. 2. – С. 98.
- ⁸⁹ Там же. – С. 387.
- ⁹⁰ Там же. – С. 386-388.
- ⁹¹ Там же. – С. 451.
- ⁹² Там же. – С. 452.
- ⁹³ Там же. – С. 473.
- ⁹⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР. – С. 624.
- ⁹⁵ **Ненацков А., Павлов Д., Розенберг У.** В условиях официальной и полуофициальной легальности: док.-ист. очерк // Меньшевики в 1918 г. – М., 1999. – С. 25.
- ⁹⁶ Там же. – С. 62.
- ⁹⁷ Там же. – С. 25.
- ⁹⁸ Там же. – С. 62.
- ⁹⁹ Там же. – С. 76.
- ¹⁰⁰ Там же.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Там же. – С. 76.
- ¹⁰³ Там же. – С. 84-85.
- ¹⁰⁴ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. – Т. 35. – С. 221.
- ¹⁰⁵ Там же. – С. 223.
- ¹⁰⁶ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. – С. 420.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ **Kapp Э.** Указ. соч. – С. 439.
- ¹⁰⁹ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. – Т. 35. – С. 263.
- ¹¹⁰ См., например, проект резолюции фракции РСДРП(о) по вопросу о мирных переговорах (Меньшевики в 1918 г. С. 127).
- ¹¹¹ **Kapp Э.** Указ. соч. – С. 439.
- ¹¹² Меньшевики в 1918 г. – С. 129.
- ¹¹³ Там же. – С. 163.
- ¹¹⁴ Там же. – С. 195.
- ¹¹⁵ Там же. – С. 196.
- ¹¹⁶ Там же. – С. 203.
- ¹¹⁷ Там же. – С. 206-207.
- ¹¹⁸ Гражданская война и военная интервенция в СССР. – С. 593.
- ¹¹⁹ И. Х. Урилов приводит данные Л. М. Спириной: на губернских съездах Советов в январе–июне 1918 г. меньшевики имели 1,1% мандатов (См.: **Урилов И. Х.** Ю. О. Мартов: политик и историк. М., 1997. С. 330).
- ¹²⁰ Меньшевики в 1918 г. – С. 293.
- ¹²¹ **Урилов И. Х.** Указ. соч. – С. 331.
- ¹²² Там же. – С. 330.
- ¹²³ Там же. – С. 371.
- ¹²⁴ Меньшевики в 1918 г. – С. 371.
- ¹²⁵ Там же. – С. 372.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Гражданская война и военная интервенция в СССР. – С. 475.
- ¹²⁸ Меньшевики в 1918 г. – С. 415.
- ¹²⁹ Там же.
- ¹³⁰ Там же. – С. 415.
- ¹³¹ Там же. – С. 439.
- ¹³² Меньшевики в 1918 г. – С. 439.
- ¹³³ Там же. – С. 442.
- ¹³⁴ Там же.
- ¹³⁵ Там же. – С. 444.
- ¹³⁶ **Тютюкин С. В.** Указ. соч. – С. 483.
- ¹³⁷ Меньшевики в 1918 г. – С. 472.
- ¹³⁸ Там же. – С. 457.
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ Там же. – С. 459.
- ¹⁴¹ Там же. – С. 520.